

«ПРАВЕДНИК И ПО СМЕРТИ ЖИВЕТ»

СВЯТЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

Вера Суханова

Смоленск крестился в лето 1013 от Рождества Христова. Через два года над малым притоком Днепра, речкой Смядыню, протекавшей в западном предместье города, произошло злодейское убийство муромского князя Глеба.

«Каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями, — писал русский философ Г.Федотов. — Первыми религиозными гениями Древней Руси стали святые братья-страстотерпцы Борис и Глеб, безропотно принявшие смерть, и тем самым предотвратившие новую междоусобную брань, в которой пролились бы реки русской крови. Подобно страданиям и смерти Христа, это была добровольная жертва. Смертный подвиг святых Бориса и Глеба запечатлелся в памяти народа, вставшего на путь христианства и сердцем принявшего ту истину, что «всякое невинное и вольное страдание есть страдание за имя Христово».

Святополк Окаянный, зачатый и рожденный во грехе, «от дьвою отцю», был в народном представлении настоящим исчадием ада, которому нет места на земле. Незвестный автор «Сказания о Борисе и Глебе» писал: «Мать его, гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, растриг ее и взял в жены и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женой. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев». Слово библейский Каин, задумал Святополк недоброе — перебить всех наследников Владимира Святого, своих братьев, и занять киевский престол.

Вызванный Святополком в Киев, Глеб в сопровождении небольшой дружины выехал из Муром, где он княжил. Но вмешался Божий промысел: по дороге конь Глеба оступился и повредил ногу, при этом князь выпал из седла, да так сильно ушибся, что не смог продолжать далее путь верхом. Вместе со свитой Глеб пересел в ладью и начал спускаться по Днепру. 5 сентября 1015 года ладья муромского князя причалила в Смядынской бухте, куда вслед за ней вошли лодки подсланных убийц. Юный Глеб умолял о пощаде, обращаясь к жестокосердым злодеям со словами, которые, казалось бы, могли тронуть и камень: «Не трогайте меня,

братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите!.. Это не убийство, но живодерство!»

Затем, увидев непреклонность злодеев, он сказал слова, свидетельствующие о присутствующей ему силе духа и мужестве. «Раз уж начали, приступивши, — молвил князь, — свершите то, на что посланы!»

Убитого князя бросили между двумя колодами, и с тех пор редкие прохожие видели в этом пустынном месте мерцающий свет зажженных неведомо кем свечей. А через несколько лет тело Глеба было обретено нетленным.

На берегу Смядыни, где пролилась кровь святого Глеба, смоляне вырыли колодец, вода которого, как утверждает предание, обладала чудодейственной целебной силой. В XII веке, омывшись этой водой, прозрели рязанские князья Мстислав и Ярополк, ослепленные владимирцами в междоусобной брани. Слух о чудотворном источнике разнесся по всей Руси. Сюда начали стекаться тысячи паломников. Ежегодно в день поминовения святых Бориса и Глеба здесь совершался многолюдный крестный ход.

В середине XIX века муромский купец Ермаков, благодарный за исцеление ног водою из святого колодца, возвел над ним шатер — так называемую каплицу с золоченым крестом. В годы революции часовня-каплица была разрушена, и лишь не так давно — в 1991 году — на месте убийства святого Глеба поставили каменный крест с памятной надписью.

Сейчас эта священная для русского человека земля и расположенные рядом с местом гибели святого Глеба развалины Борисоглебского монастыря, интереснейшего археологического памятника первой половины XII века, находятся под угрозой полного уничтожения из-за развернувшегося в округе строительства элитных коттеджей.

Когда-то Борисоглебский монастырь был крупным духовным центром всей Руси. Ослабление Смоленского княжества, непрерывные нападения захватчиков на город нанесли значительный ущерб монастырю. Особенно в начале XVII века, когда в нем разместился штаб польского короля Сигизмунда III, осаждавшего Смоленскую крепость. К концу XVII века собор монастыря представлял собой уже руины. В XIX веке среди его развалин была найдена вытесан-

ная из белого известняка гробница смоленского князя Давыда Ростиславича, в крещении нареченного Глебом. При жизни Давыд Ростиславич чтит святого Глеба как своего небесного покровителя и перевез сюда раки с мощами святых Бориса и Глеба.

Недалеко от Смяднской бухты Давыд Ростиславич возвел храм Архангела Михаила, о котором древний летописец писал, не скрывая своего восторга: «Такое же несть в полунощной стране, и всим приходящим к ней дивитися изрядней красоте ея, иконы златом и серебром и жемчугом и каменiem драгим украшены, и всею благодатью исполнена».

Храм не случайно был освящен во имя Архангела Михаила, предводителя небесного воинства, которого русские князья чтили как покровителя своих дружин. По оценке одного из историков, Давыд Ростиславич не только «любил книги читать и памятью сестру имел», но и был опытным воином. Имена Давыда и его брата Рюрика упоминаются в «Слове о полку Игореве»:

Ты, буй Рюриче и Давыде!
Не ваю ли вои злачеными шеломы
по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина рыкают,
аки тури, ранены саблями
калеными на поле незнаеме?
Вступица, господина, в злата стремень
За обиду сего времени, за землю Рускую,
За раны Игоревы, буюго Святославича!

Возведенная князем Давыдом Ростиславичем церковь Архангела Михаила примечательна еще и тем, что является ярким образцом храмового строительства местной, смоленской школы зодчества. Храм, словно прекрасная птица на взлете, неудержимо устремлен ввысь.

Кроме Михаилоархангельской церкви в Смоленске чудом уцелели еще два храма XII века. Они являются единственными свидетелями жизни и подвига святых мужей, прославившихся на Смоленской земле — святого Авраамия и святого Меркурия.

Авраамий родился в семье знатных благородных смолян. Родители отдали мальчика учиться грамоте. Книги перевернули всю его жизнь. Авраамий во всем следовал примеру подвижников, не разделяя слова и дела. По смерти родителей он об-

Святые Авраамий и Меркурий Смоленские.
Икона. 2-я половина XIX в.

лекся в ветхие одежды и начал юродствовать, повторяя подвиг многих безумных Христа ради. Богатство же свое, оставшееся после родителей, раздал бедным, вдовам и сиротам. Осознав свое призвание, Авраамий тайно покинул город и постригся в монастыре Святой Богородицы, который находился в шести верстах к востоку от города. Вскоре он был посвящен в сан священника и начал выступать со столь красноречивыми и вдохновенными проповедями, что к нему стал стекаться народ. Это, конечно же, не могло не возбудить зависть со стороны братии. Даже сам игумен, видя, что при-

хожане отдают предпочтение Авраамию, стал запрещать ему беседы с народом.

Пять лет Авраамий терпел поношения, крамолы и озлобление игумена и братии, а затем перебрался в бедный отдаленный монастырь Честного Креста за Днепром. Здесь еще более возросла слава неутомимого проповедника и подвижника. Прежде бедный, монастырь быстро богател.

Будучи последователем Феодора Студита, Авраамий исключал стяжательство и праздность в жизни монашествующих, требовал дисциплины и каждодневного труда. Со стороны оппонентов это повлекло обвинение в лицемерии.

Лъстец, лицемер, еретик и волхв — вот какие обвинения были брошены в лицо Авраамию. Подобно протопопу Аввакуму, его предшественник Авраамий обличал многих своих прихожан за нарушение христианских заповедей, за браки без церковного благословения, допускаясь кое-где по неискоренному еще языческому обычаю. Были случаи и двоеженства и сожительства кровных родственников.

Авраамий считал самым позорным для человека, принявшего сан священника, невежество. Сам был страстным книжником и помимо канонической литературы, обладал знаниями апокрифических и отреченных, запрещенных сочинений. К тому же, предподобный занимался иконописью. Описание одной из икон Авраамия сохранилось в сочинении инока Ефрема, ученика Авраамия и автора жития святого: «Река огненная перед судилищем течет, и книги раскрываются, и судьи сидят, и дела всех открываются. Тогда слава, и честь, и радость всем праведникам, грешникам же тьма вечная, ее же сам сатана боится и трепещет».

Авраамий, будучи оратором и церковным писателем, обладал чудесным голосом. Церковные псалмы в его исполнении зачаровывали прихожан.

Завистники, по свидетельству все того же Ефрема, «от великой злобы заскрежетали на него зубами» и «если бы им дали волю, они бы проглотили его живого».

Епископ Игнатий распорядился доставить преподобного на церковный суд, и Авраамия вместе с двумя учениками провели по всему городу, словно злодея. Однако и среди местного духовенства у блаженного нашлись горячие приверженцы. На стене одного из смоленских храмов археологи нашли процарапанную на штукатурке надпись, датируемую началом XIII века. Вообще-то писать на стенах храмов строго возбранялось, однако надписи, несмотря на церковные запреты, резали и простые горожане, и князья, и даже — церковные иерархи. «Господи, помози дому великому, — моли неизвестный автор граффити, — не дай врагам-игуменам истратить его до конца, ни Климьяте». По мнению исследователей, эта надпись была сделана после суда над Авраамием. Епископский суд под давлением игуменов и иереев запретил преподобному священнослужение и сослал его в монастырь Святой Богородицы, находившийся в шести верстах к востоку от города. Чтобы ограничить доступ к Авраамию, на дороге выставили посты.

«И была в городе страшная засуха, — пишет инок Ефрем, — пересохла земля, засохли сады и нивы и все плоды земные. И стали все тужить и молить Бога».

И вот, увидев в знаменитом гневе Божий за неправый суд, учиненный над подвижником, игумены и иереи пешком явились в монастырь, где был заточен Авраамий, и умоляли его о прощении. Преподобному снова разрешили проводить службы в храме. По преданию, едва Авраамий выслушал эту радостную для него весть, как на истомившуюся землю хлынул проливной дождь.

В конце жизни Авраамий был назначен игуменом монастыря Положения риз Богоматери, ставшего затем Авраамиевским. В нем вплоть до XVII века хранились мощи святого. Они исчезли в эпоху польского владычества.

По замечанию знатока русских древностей М. П. Погодина, на Руси «всякая епархия представляла собой как бы учебный округ, всякий монастырь — гимназию, а всякая церковь — народное училище». Монастырь, который возглавлял Авраамий, стал крупным духовным центром. «Жизнь земная есть война, — учил Авраамий, — и для брани духовной надо многому учиться».

Через несколько десятилетий после кончины святого Авраамия, прожившего около пятидесяти лет, Русь вступила в полосу суровых испытаний: на ее землю «явились народы, и никто не знал, кто они и откуда пришли, каков их язык и какова их вера — по названию татары...».

В одном из духовных народных стихов земля, обремененная и измученная грехами людей, плачет и просит Бога наказать человечество. Тот факт, что Смоленск не был захвачен татарами и разорен, подобно другим русским городам, не мог не вызывать к жизни множества легенд. В них Смоленск предстает богоспасаемым градом, находящимся под покровительством Богоматери, осеняющей его своим омофором, поскольку град этот не утратил духовной силы.

В 1242 году хан Батый встал «от града за 30 поприщ, и многи святыя церкви пожже и христиан поби и твердо вооружаша на град той», один из воинов смоленского князя, по имени Меркурий, направляемый чудотворным образом Богородицы, вышел в поле, чтобы сразиться с лютым ворогом. Сначала на поединке он убил исполнителя-татарина, наводившего ужас на защитников города, а затем положил множество воинов Батыя. Город был спасен. Но Меркурия постигла мученическая кончина...

Подвиг святого Меркурия не избавил русскую землю от иноплеменников, это было лишь начало долгой борьбы за независимость.

В Онежской псалтыри, датируемой концом XIV века и переписанной монахом Луккой Смолянином, среди множества миниатюр есть аллегорический рисунок: мечущийся заяц в окружении готовых вцепиться друг в друга из-за добычи хищников — льва, медведя, барса и чудища-антихриста. Полагают, что автор рисунка изобразил в образе зайца родное Смоленское княжество, на которое одновременно зарились Литва, Москва, Тевтонский орден и татары.

Третьим местночтимым святым стал представитель рода смоленских князей — Андрей, своеобразный «князь Мышкин» русского средневековья. Потомок Ростислава Мстиславича, основателя великого княжества Смоленского, Андрей жил во второй половине XIV века, в самые темные времена татаро-монгольского ига. Хотя наш город не знал татарских набегов, великие князья смоленские платили дань ханским баскакам. В эпоху разора и братоубийственных распрей, в преддверии литовского нашествия на Смоленск, князь Андрей явил собой пример самоотвержения и христианской любви. Печалась о неправде мира сего и «наскучив усобицами братьев», Андрей тайно раздал все свое имение и ночью, сменив княжеские одежды на рубище, вышел из города, «яко один из сирот». После скитаний он нашел приют в Переславле-Залесском, где в течение тридцати лет служил пономарем в местном храме. Никто даже не догадывался о его княжеском происхождении, а сам праведник затворил уста, дав обет молчания. После смерти пономаря под его рубищем нашли княжескую золотую цепь, перстень и записку, в которой говорилось: «Аз есмь один из князей Смоленских, зависти ради и крамолы братьий моих оставил княжение мое».